

Шакил О'Нил
Джеки Макмаллен

ШАК НЕ ПОБЕЖ ДЕННЫЙ

АВТОБИОГРАФИЯ
НАСТОЯЩЕГО
МОНСТРА НБА

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Шакил О'Нил
Джеки Макмаллен
Шак Непобежденный.
Автобиография
настоящего монстра НБА
Серия «Иконы спорта»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68836638

Шак Непобежденный : автобиография настоящего монстра НБА:

Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-181478-6

Аннотация

Честная автобиография Шакила О'Нила – четырехкратного чемпиона НБА, трехкратного MVP финала НБА, участника большой десятки самых результативных баскетболистов в истории Лиги. Настоящего монстра игры под кольцом и последнего оставшегося центрового, каким он сам себя называет. Однако Шакил О'Нил – это не просто про баскетбол. Многогранность его личности поражает: от чтения рэпа до написания магистерской диссертации, Шак из раза в раз доказывает, что может все и даже чуточку больше.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Примечание автора	9
4 июня 2000 года	12
Сан-Антонио, Техас, 1989 год	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Шакил О'Нил, Джеки Макмаллен Шак Непобежденный: автобиография настоящего монстра НБА

© 2016 by Full Court Press, Inc. + “This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA. All rights reserved.

© Фото на обложке: © Donald Miralle / GettyImages.ru

© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

*Эта книга посвящается
Филипу Харрисону и Люсиль О'Нил,
творцам моей игры и моего характера.
Шак*

*Моей покойной сестре Карен,
любившей жизнь почти так же*

сильно, как Шакила.
Джеки

Благодарности

Таахира, Амира, Ме'арайя, Шакир, Шариф и Майлз – вы та причина, по которой я каждое утро встаю с кровати и начинаю свой день с улыбки. Бабушка Одесса, бабушка Ирма и дедушка Харрисон, надеюсь, вы прочтете это на небесах, откуда по-прежнему наблюдаете за мной. Благодарю всю семью О'Нил и Харрисон. Дэйл Браун, Майк Пэррис, Джером Кроуфорд, Перри Роджерс, Колин Смитон, Синтия Аттерберри, Джо Кавальеро, Дэнни Гарсия, Энтони Холл, Марк Стивенс, Эми Мартин, Дерек Маллет, Уилл Харден, Томми Джонсон-мл., Эвелин «Пуни» Хьювал, Дейн Хьювал, Кэприс Хьювал, Кен Бэйли, Алекс Конант, Деуэйн Дэвис, Майкл Маллет и Николь Александер, спасибо, что приглаждали за мной.

Шефу Рональду Дж. Бойду из портовой полиции Лос-Анджелеса, шефу Дону ДеЛукке и шефу Карлосу Норьега из полиции Майами-Бич и шефу Тому Риффу из Темпе, Аризона, полиции, спасибо за то, что тренировали меня и доверили мне вступить в ваши ряды правоохранителей. Также спасибо Джеки МакМуллан за то, что она проделала такую блестящую работу, помогая мне рассказать мою историю, а также Рiku Вольфу из Grand Central Publishing за выпуск крутой книги.

Шак

Спасибо Рику Вольфу из Grand Central Publishing за его замечательные наставления и спасибо всей команде Grand Central и особенно Линде Даггинс, Мередит Хаггерти, Дэвиду Палмеру, Бобу Кастильо, Фламуру Тонузи и великолепной команде продавцов. Спасибо Джею Манделу за то, что помог этой книге увидеть свет. Большое спасибо Джо Кавальеро, Дэнни Гарсии, Майклу Пэррису, Джерому Кроуфорду, Синтии Аттерберри, Колину Смитону, Перри Роджерсу, Николь Александер и Алексу Конанту за то, что подпустили меня. Люсиль О'Нил всегда была готова помочь – она любезно и страстно рассказывала мне о своем старшем сыне. Спасибо сотне с лишним тренеров, партнеров, генеральных менеджеров и руководителей команд, каждый из которых дал ценные комментарии, особенно Дэйлу Брауну, Филу Джексону, Брайану Шоу, Гэри Пэйтону, Дэнни Эйнджу, Доку Риверсу, Кевину Гарнетту, Джерри Уэсту, Стэнли Робертсу, Уэйну Симсу, Деннису Трэйси, Хербу Морру, Алонзо Моурнингу, Деннису Скотту, Майку Д'Антони, Джеймсу Поузи, Пэту Уильямсу и Жидрунасу Ильгаускасу. Спасибо Иэну Томсену – объективному критику и замечательному другу в одном лице. Спасибо Ya Ya – Джэнис МакКиюн, Джейн Кавано Смит, Элизабет Дервин, Илэйн Киф, Вэлу Расселлу, Арлин Сент-Ондж, Гретч Хоффман и Пэтти Филбин – они никогда не перестают поражать меня своей добротой и щедростью. Также спасибо Айлин Барретт,

Моне Юингу, Лиз Даглас и Стефани Бэйрд за их поддержку и ободрения. Большое спасибо всем Бойлам, далеким и близким. Мне повезло иметь двух замечательных родителей, Фреда и Маргарет МакМуллан, а также сестру Сью Титоне и ее замечательную семью – Винни, Джулию и Кристофера. Привет баскетбольной команде Good Things; да будем мы всегда прикрывать спины друг друга. С любовью благодарю моего мужа Майкла и детей Алисон и Дагласа, которые вели себя мило и с пониманием всякий раз, когда написание этой книги отрывало от них маму. Наконец, спасибо Шакилу О’Нилу, самому щедрому спортсмену, которого я встречала, и самую удивительную суперзвезду своей эпохи.

Джеки

Примечание автора

Когда я был ребенком, я часто набивал свой баскетбольный мяч рядом с Boys and Girls Club в Ньюарке, Нью-Джерси, представляя себя Доктором Джеем или Мэджиком Джонсоном.

Потом я шел домой и мечтал о том, как буду знаменитым диджеем, крутящим пластинки и тусующимся с самыми успешными рэперами в индустрии.

Вечерами, смотря телевизор с друзьями, я фантазировал о том, как буду звездой кино или знаменитым актером, тем, которому в идеальном финале сказки всегда достается самая красивая девушка на съемочной площадке.

Сколько людей может сказать, что почти все их мечты стали явью? Я уверен, что вхожу в число таких счастливицков. Мне удалось стать суперзвездой NBA, рэпером с платиновыми и золотыми релизами, актером, снимавшимся в кинофильмах, удалось попасть в выпуск *Saturday Night Live* и получить собственное реалити-шоу.

Когда большинство игроков NBA уходят на пенсию, лучшая часть их жизни остается позади. Я чувствую, что моя лучшая часть только начинается. И хотя я люблю баскетбол, как игру, я никогда не хотел, чтобы она была единственным, что определяет меня как личность.

Я всегда мечтал. По-крупному. Но случались дни, когда

я думал, что они никогда не станут реальностью. Дни, когда меня дразнили из-за роста, из-за заиканий, из-за того, что я был неловким. Дни, когда я тусовался не с теми людьми и принимал не те решения. Когда меня в первый год учебы в старшей школе отцепили от школьной команды, я лежал в своей комнате совершенно уничтоженный и думал о том, получу ли когда-нибудь еще один шанс доказать, что чего-то стою.

Моя жизнь и близко не была такой гладкой, как вы могли бы подумать. Вы видите гиганта ростом 2,16 с доброй улыбкой и думаете: «У него все схвачено».

Что ж, порой так и было. А порой нет. У меня были свои сомнения, свои страхи, свои разочарования. Временами ожидания других почти что душили меня. Временами груз моих собственных ожиданий грозил раздавить меня.

Более двадцати пяти лет люди рассматривают мою жизнь, как в микроскоп. Они сами нарисовали мой образ и придумали то, что я отстаиваю. Некоторые моменты были положительными, а некоторые болезненными.

Пришло время вам узнать от *меня*, что заставляет механизм Шакил О'Нила работать. Я готов запустить вас внутрь, чтобы вы поняли, куда меня привело мое путешествие и как оно сформировало меня как мужчину, а не только как баскетболиста.

Надеюсь, какие-то фрагменты заставят вас рассмеяться. Какие-то могут вызвать у вас слезы.

Люди всегда говорят, что я больше самой жизни.

Позвольте мне самому рассказать мою историю, чтобы вы могли решить для себя все сами.

Шакил О'Нил

Лето 2011

4 июня 2000 года

Лос-Анджелес, Калифорния

7-Я игра финальной серии

западной конференции

Игроки «Портленд Трэйл Блэйзерс» шагали к своей скамейке после окончания третьей четверти решающей 7-й игры финальной серии Западной Конференции против «Лос-Анджелеса», ведя в счете 71:58. Бахвальства «Лейкерс», клявшихся пройти по всем соперникам катком на пути к титулу чемпионов NBA, внезапно зазвучали фальшиво.

Тренер «Лейкерс» Фил Джексон собрал своих ассистентов на совещание на площадке, пока Шакил О'Нил и его партнеры плюхались на скамейку и ждали.

Джексон начал готовить свою команду к этому моменту очень давно. Его инструкции были лаконичными: «Когда разверзаются врата в ад, вспомните о своем «безопасном месте» и отправляйтесь туда мысленно – в образ или воспоминание, которое будет излучать спокойствие, счастье и умиротворение».

– Шакил, – спросил Джексон спустя недолгое время после своего прихода в «Лейкерс». – Где твоё безопасное место?

– На коленях моей бабушки Одессы, сидящей в своем

кресле-качалке, – отвечал большой человек.

– И как так вышло, что это стало твоим безопасным местом?

– В детстве она находила меня после того, как я попадал в неприятности, – говорил Шакил. – После того как я творил очередную глупость, а мой отец устраивал мне взбучку. Когда он заканчивал колотить меня, она пробиралась в мою комнату с куском бисквитного торта, качала меня на руках и говорила: «Все хорошо, малыш. Все будет в порядке».

Пока Шак вечером 4 июня вертелся на скамейке от досады, поглощая недовольный гул и свист разгневанных и шокированных болельщиков «ЛА», его первой мыслью была эта: «Если «Лейкерс» сядут в лужу в этой серии, я знаю, кого назначат главным виновником».

Его – так же, как это было в «Орландо», когда они не смогли выиграть титул.

Только не снова. О’Нил закрыл глаза. Он вызвал в памяти образ бабушки Одессы, следуя распоряжениям Фила Джексона. Он сосредоточился на ее мягком голосе, ее вкрадчивой улыбке, успокаивающим словам.

«Лейкерс» вышли из круга, но сперва ветеран Рик Фокс успел бросить партнерам вызов:

– И вот так вот мы вылетим? Вот так все закончится?

– Нет, – сказал им большой человек. Только не снова.

«Портленд» развил свое преимущество до 15 очков за 10 минут 28 секунд до конца игры. Именно в тот момент Ша-

кил О'Нил, которого большую часть вечера опекали двое, а то и трое соперников, высвободился и сделал данк прямо у них над головами. Это попадание вдохновило «Лейкерс» на 15 набранных подряд очков – и их потрясающий камбэк довершил еще один слэм О'Нила, на сей раз после ювелирного навеса от Коби Брайанта, набросившего мяч петлей, словно в замедленной съемке.

Обычно Шак после таких демонстраций доминирования хладнокровно разворачивался и трусцой бежал по площадке назад с каменным выражением лица, как будто говорил: «Был там. Видел». Но не в этот раз. Он в ликовании выбросил пальцы рук высоко в воздух и бежал по площадке во весь опор, широко раскрыв рот и сверкая выпученными глазами.

Бабушка Одесса была права. Все будет в порядке.

Моя бабушка называла меня Шоном – не Шаком, не Дизелем, не Большим Аристотелем, не Шактусом или Биг Шэмроком. Тогда я был просто маленьким мальчиком, бегавшим по району муниципального жилья в Ньюарке, Нью-Джерси, и нуждавшимся в ком-то, кто приглядывал бы за мной.

Возможно, я и выглядел крупным, но я был всего лишь ребенком. Я был окружен, главным образом, женщинами, и если моя бабушка или тетя Вив, или моя мама видели, что возле нашей квартиры снуют наркодилеры, они тут же выходили и говорили им побыстрее убираться отсюда. Они предупреждали их, чтобы они держались подальше от их Шона. Как-то раз, когда один из этих мутных ребят заговорил со

мной, моя тетя Вив выскочила из двери и начала молотить его руками.

– А ну отвалил от него!! – кричала она, колотя чувака по спине кулаками. – Этот мальчик станет баскетболистом!!

Я должен был стать кем-то особенным. Так всегда говорила мне мамочка.

Я должен был стать Суперменом.

Мое полное имя – Шакил Рашоун О’Нил. Моя мама, Люсиль О’Нил, была одна, когда родила меня. Ей было семнадцать, когда она забеременела. Я никогда не понимал, почему моя мать дала мне мусульманское имя. Предполагаю, что она могла чувствовать себя изгоем или считала, что никто ее не любил. *Шакил* означает «маленький», а *Рашоун* – «воин». Я был ее маленьким воином. Вместе с мамой мы собирались дать миру бой.

Моя бабушка Одесса Шэмблисс была христианкой, поэтому настаивала на том, чтобы называть меня Шоном. Бабушка была тем человеком, который всегда говорил мне: «Верь в себя». Одесса всегда говорила низким голосом, примерно как я сейчас, и всегда улыбалась.

Бабушка Одесса выглядела как примерная прихожанка. Она всегда носила платье. Никогда не сквернословила, никогда не повышала голоса и всегда держала Библию под рукой. Я ни разу не видел ее настоящих волос, потому что она все время носила эти кудрявые парики.

Бабушка была мечтательницей и давала мне понять, что

и мне мечтать не вредно. Когда я был рядом с бабушкой, я всегда чувствовал себя в безопасности. Разумеется, она умела незаметно подкрасться и впихнуть в меня рыбий жир. Я ненавидел его, но она безгранично в него верила. Она свято верила, что он может вылечить все. По утрам я насыпал себе здоровую миску хлопьев Trix и едва только принимался за нее, как она тут же ловко просовывала в нее чайную ложку рыбьего жира – прямо у меня под носом. Прекрасный завтрак безнадежно испорчен.

Очень продолжительное время я не понимал, почему моя фамилия отличается от фамилии всех остальных членов семьи. Моими мамой и папой были Люсиль и Филип Харрисон, но я был О'Нилом. Это как вообще работает? Выяснилось, что О'Нил – девичья фамилия моей матери. Она вышла замуж за Филипа, взяла его фамилию, но меня оставила О'Нилом. Меня это, кажется, не слишком волновало, но однажды в школе один из учителей спросил меня: «Шакил О'Нил? Как так вышло, что фамилия у тебя не такая же, как у папочки?» Я пошел к маме за разъяснениями.

Она решила, что мне стоит познакомиться с моим биологическим отцом. Его звали Джозеф Тоуни. По-моему, мне было лет семь. Помню, что он был высоким, красивым парнем, но ему было толком нечего сказать мне. Мне рассказывали, что у него были отличные шансы на стипендию в Сетон-Холл, где он должен был играть в баскетбол, но он впутался в наркотики и упустил свой шанс.

В тот день, когда я поехал знакомиться с ним, он вел себя довольно мило. Он сказал: «Как дела? Эй, пацан, как поживаешь? Я твой папочка». Я толком не понимал, что и думать. У меня дома уже жил другой мужик, который вел себя вполне как папочка. Филип Харрисон давал мне крышу над головой, иногда игрушки, и я, хотя и часто попадал в неприятности, был в целом доволен своей жизнью. Когда ты ребенок, ты знаешь только то, что у тебя есть. После того как я познакомился со своим «настоящим» папочкой, я вместе с мамой отправился домой к Филипу, который, насколько я мог судить, был единственным отцом, которому следовало уделять внимание.

Район Ньюарка, в котором мы жили, был бедным, там всюду жили в основном чернокожие. Место было опасное, полное криминала, но если ты был наркоторговцем, это было лучшее место на земле. У этих типов бизнес процветал всегда.

Я родился спустя пять лет после бунтов в Ньюарке – воспоминания о них были темой, которую все взрослые обсуждали очень серьезно.

Бунты, по-видимому, начались после того, как парень по имени Джон Смит – как тот англичанин, полюбивший Покахонтас, только этот тип был чернокожим таксистом – обогнал двух копов на Пятнадцатой авеню. Оба копа были белыми, они арестовали Джона Смита за то, что он пересек двойную сплошную во время обгона, и потащили его в уча-

сток, находившийся прямо напротив муниципального района Хэйс Хоум. Все в районе видели, как полиция избивает парня, пытаясь затащить внутрь, и приходят к убеждению, что белые копы собираются убить черного мужчину за нарушение ПДД.

Происходит взрыв негодования.

На следующие шесть дней Ньюарк превращается в зону боевых действий. Бунт, стрельба, мародерство. Люди швыряют камни в витрины магазинов и переворачивают автомобили. Слишком много нищеты, гнева, наркотиков и неравенства.

Мои родители оказались в самом эпицентре заварушки. Они не могли покинуть свой дом, потому что это было слишком опасно. У них были родственники, погибшие во время бунта, а некоторых их дядьев и двоюродных братьев арестовали и уперли за решетку без каких-либо на то оснований. Но даже несмотря на все это, они никогда толком не обсуждали со мной расизм. Я рос не в таком доме, где белых людей считали врагами. Мои родители так не думали и не учили меня ненавидеть других, даже несмотря на то что они видели собственными глазами.

Да и потом, думаете мне в восемь лет было дело до бунтов в Ньюарке? Все, что я хочу знать, – это как раздобыть себе скейтборд.

Я не знал, что я беден. Думаю, мне стоило бы знать. Мы все время переезжали, потому что не могли платить за арен-

ду. Мама пыталась прокормить молодую семью из шести человек консервированной курицей по-королевски. Мы ели много дешевых сосисок, бобов и лапши. Очень много лапши. Я все время был голодным, но думал, что это потому, что я такой чертовски огромный. Каждое утро после пробуждения мне казалось, что за ночь я стал выше на пару дюймов.

Это было проблемой по двум причинам: обувь и одежда. Я постоянно из всего вырастал. Мне приходилось надевать одни и те же вещи в школу снова и снова, потому что мы не могли себе позволить покупать мне новые шмотки каждый раз. Я слышал, как об этом говорят. Дети говорили мне: «Эй, пес, разве вчера ты был не в этой же футболке?»

Никого не шокировало то, что я вырос крупным парнем. Мой родной отец был высоким, да и мама была ростом 1,88 см. Люсиль О'Нил была моим лучшим другом. Моя мама всегда, всегда меня поддерживала. Она в очень юном возрасте закалила свой характер. Жизнь не всегда была добра к ней, поэтому она делала все, что было в ее силах, чтобы огорчить меня от всего плохого, что могло произойти с таким хитрожопым малым, как я.

Она знала, каково это – быть выше всех ростом, потому что ей самой приходилось преодолевать эти трудности в юности.

К примеру, моей маме приходилось всюду носить с собой мое свидетельство о рождении. Ей не верили, что мне только девять. Водитель автобуса, кондуктор в метро, парень за кас-

сой в McDonald's. Неужели мальчишка не может получить свой хэппи-мил без всей этой суеты?

Меня часто дразнили из-за моих размеров, начиная с пяти- или шестилетнего возраста. Помню, как однажды шел по улице и какой-то пацан назвал меня Биг Футом. Я взглянул вниз и понял, что он был прав: мои кроссовки были просто огромными.

С возрастом мои прозвища становились все обиднее: Сасквоч, Фрик-илл, Шакилла-Горилла. Последнее мне особенно не нравилось. Я счел, что у меня всего два варианта. Я мог научиться быть смешным, чтобы перетягивать детей на свою сторону... а мог попросту избивать их.

Я делал и то и другое.

Когда я начал становиться все больше, я осознал, что должен в совершенстве овладеть мелочами. Я должен был научиться делать все те вещи, которые делали обычные люди, чтобы они перестали сосредоточивать свое внимание на моем росте. Вот почему я занялся брейк-дансом. Я просто любил танцевать. У меня были хорошие ноги, так что двигаться я реально умел. Я участвовал в конкурсах и стал реально классным танцором. Я мог вращаться, крутиться на голове, исполнять все те трюки, которые чернокожие малыши вытворяли по телику. Я был настолько хорош, что все детишки забыли о том, что я высокий и нескладный, и стали называть меня Шака-Ди, ибо я умел двигаться, как надо.

Я все время танцевал. Всем это нравилось. Мне нрави-

лось. Но однажды во время танцев я повредил себе колено. Оно начало всерьез меня беспокоить, поэтому я пошел к врачу, и он сказал мне, что у меня болезнь Осгуда-Шляттера – ее диагностируют детям, если они начинают расти слишком быстро для своих тел.

Вернувшись домой, я сказал отцу, что у меня болезнь Осгуда-Шляттера. Он ударил меня и сказал: «Нет у тебя никакого Осгуда! Ты все время брейкдансишь, вот и убил свои колени!» За это я получил хорошую взбучку.

Правда в том, что папа тратил немало времени на мои избиения. Если я делал что-то не так, он бил меня и говорил: «Будь лидером, а не последователем». Я очень боялся своего отца. Он бил меня все время, но я никогда не называл бы эти поколачивания несправедливыми. Я их заслуживал. Он делал это для того, чтобы держать меня в узде. Клянусь, если бы он этого не делал, я бы сейчас, скорее всего, сидел в тюрьме – или что еще хуже. Если бы мой отец не слезал с меня, я бы никогда не стал Шаком, или Дизелем, или тем, кем хотел называться, выдумывая себе все эти дикие прозвища.

Филип Харрисон был военным до мозга костей. Его друзья называли его Бутчи, но все мои друзья звали его Сержантом. Он очень-очень большое внимание уделял дисциплине. Все должно было делаться так, как скажет он, и никак иначе.

По иронии судьбы, подобное отношение к делу а-ля «жестко, но справедливо» лишь вредило ему в его военной карьере. В какой-то период он был инструктором по строй-

подготовке, но так рьяно усложнял людям жизнь и так их бранил, что его понизили в должности. Ему отдали в ведение спортзал на военной базе, но его темперамент и там вовлек его в неприятности. Люди устали от его ругани в адрес окружающих, поэтому сделали его сержантом по снабжению.

С Сержантом шутки были плохи, особенно для меня. Его семья была родом с Ямайки, и когда он, будучи ребенком, шкодил, ему хорошенько доставалось. Так что он лишь делал то, чему его учили.

И это правда – я творил много глупостей в детстве, потому что хотел быть крутым. Я носил цепи в своем портфеле для книг. Ходил в магазины и крал там разное. Вскрывал машины, просто потому что мог. Я забирался в дома других людей и воровал оттуда мелочи, ничего серьезного, но потом хвастался об этом друзьям, когда был уверен, что меня точно не поймают.

Подобные выходки сводили моего отца с ума. Он хотел, чтобы я чего-то добился в жизни. Он сам совершал ошибки в детстве, за которые его отец избивал до полусмерти. Поэтому со мной он обращался точно так же. Он колотил меня кулаками, ремнем, шваброй, всем, что попадалось под руку. Это была его интерпретация телесных наказаний. Всякий раз, когда я творил какую-нибудь глупость, он избивал меня так, чтобы в следующий раз я дважды подумал, прежде чем сотворить такое снова.

Порой страх действительно становится лучшим оружием.

Поскольку мой отец служил в армии, мы часто переезжали, поэтому каждый раз, когда я приходил в свою новую школу, я узнавал, кто считался там самым крутым, и приценивался к нему. Потом я испытывал его – сначала юмором, а потом кулаками. Так я становился в школе Тем Новичком, а не просто «тем новичком». Разница существенная.

Когда я был совсем маленьким, мы жили на Оук-стрит в Джерси-сити. Мы жили с моей бабушкой Одессой, а она жила через дорогу от парка. Она была медсестрой, а мама все время была рядом – ее телик стоял в окне, – так что они обе постоянно наблюдали за мной. В Джерси-сити было безопаснее, чем в Ньюарке; в том районе было всего несколько трудных подростков, а не на каждом углу, как в Ньюарке.

Там был пацан по кличке Пи Ви, который жил прямо около парка, и я очень боялся его, потому что у него была большая собака, немецкая овчарка по кличке Сэм. Каждый день ровно в 16:15, когда мы были в парке, Сэм выбегал из дома и бросался за детьми в погоню. Пи Ви и его братья толкали наркоту. Я ненавидел эту собаку. И до смерти боялся ее.

И вот мой отец как-то вечером пришел с работы домой и принес мне подарок. Новенькие кеды Chuck Taylor, в оригинальном исполнении из белой парусины. Я глазам поверить не мог. У меня никогда не было таких кед. Я знал, что мы не можем их себе позволить. В общем, отец говорит мне: «Эй, теперь у тебя есть эти кеды, чтобы ходить в школу, чтобы играть в мяч. Тебе нужно будет носить их и летом. Они долж-

Время от времени я закрывал глаза и мечтал о том, как стану одним из тех наркодилеров на углу. У них всегда были деньги. Пачки купюр торчали у них из карманов, чтобы все могли видеть, как хорошо у них идут дела. Я думал о том, каково это – на секунду стать таким, как они, но я всегда был наказан за что-то, поэтому даже не мог выйти из дома, чтобы творить на улице подобные глупости. Видишь, пап? Твоя «суровая любовь» работала.

Бабушке Одессе очень не нравилось, когда меня наказывали. Забавно, что наказывали меня в ее доме, потому что свой собственный мы себе позволить не могли. После того как я лажал, а отец избивал меня, она дожидалась его ухода, а потом прокрадывалась ко мне со стаканом молока и куском бисквитного кекса от Entenmann, приговаривая низким голосом: «Вот, съешь это. Перестань уже плакать. Все будет хорошо. Ты – мой малыш. Не волнуйся».

Я говорил своей бабуле: «Когда я разбогатею, я куплю тебе дом». Она улыбалась и говорила мне: «Малыш, мне не нужен новый дом. Этого вполне достаточно».

Мы какое-то время жили с бабушкой, но они с моим отцом не слишком ладили, и в итоге мы переехали в Ньюарк, на Вассар-авеню. Мой дедушка, отец моего отца, был суровым ямайским дядькой, и мы переехали в его дом. А еще с нами жили брат отца, кое-кто из моих теток и целая орава кузенов. Дом был полон людей. Он был довольно большим, на девять или десять комнат, но кроватей на всех не хватало.

Я спал на полу вместе с кучей своих двоюродных братьев.

У моего дедули была мечта разбогатеть, поэтому каждый день он давал мне и моему кузену Андре по доллару на хлеб и лотерейный билет Quick Pick. Мы с кузенком были юными предпринимателями. Покупали Quick Pick, а потом брали дешевый лежалый хлеб, стоивший шестьдесят центов, а на оставшиеся сорок центов покупали жвачку. Мы провернули это пару раз, пока кто-то в доме не сказал: «Почему этот хлеб всегда несвежий?» Нас раскрыли, и наш безумный дедуля устроил нам хорошую взбучку.

К тому времени мы уже успели привыкнуть к жвачке. Нам *нужно* было ее иметь. Поэтому мы крали ее. Мы разрабатывали самые разнообразные планы по отвлечению парня у кассы, чтобы не попадаться. Однажды мы с Андре жевали жвачку, и дедушка сказал мне: «Откуда вы взяли эту жвачку?» Я не хотел рассказывать ему, что украл ее, поэтому сказал, что ей нас угостила какая-то приятная леди. Дед сказал: «Сколько раз я говорил тебе не разговаривать с незнакомцами?» И за это нам с Андре тоже влетело по первое число.

Примерно в восьмилетнем возрасте я начал ходить в Boys and Girls Club, где мы часами играли в баскетбол. По выходным отец учил меня основам игры. Филип Харрисон был очень умелым городским боллером, по крайней мере, так мне говорили жители Ньюарка. Говорят, что Сержант и мой родной отец были двумя лучшими баскетболистами, выросшими в округе. Мой дядя Майк Пэррис как-то сказал мне,

что Филип Харрисон был гибридом Роберта Пэриша и Джорджа Гервина.

Филип учил меня, как нужно выдавливать соперников и бросать мяч, правильно сгибая локти. Одной из первых книг, подаренных им мне, была история жизни Карима Абдул-Джаббара. Я прочитал ее полностью, и в особенности ту часть книги, где рассказывалось о том, как Карим потерял все свои деньги, вложившись в соевые бобы. Я сказал себе: «Когда я стану богатым, со мной такого не произойдет».

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в том возрасте я был не слишком хорошим баскетболистом. Я был неуклюжим. Я до конца не вырос в своем теле, поэтому поначалу все время ронял мяч. Разумеется, все ожидали, что я буду блистать, ведь я был таким большим. Удачи вам, если соберетесь объяснить людям, что это так не работает.

Ньюарк был безжалостным городом. Искать неприятности тут не приходилось; они находили тебя сами, стоило только вылезти утром из кровати. Думаю, мои родители понимали, что нам нужно выбираться оттуда. Проблема была в том, что денег у нас не было. Мой отец работал очень много, но его заработка никогда не хватало на то, чтобы кормить нас, одевать и платить за аренду. Он водил грузовики U-Haul в Нью-Джерси или Нью-Йорк и обратно, чтобы заработать денег, и все время был уставшим.

Потом, в 1982 году, когда мне было десять лет, мой отец пришел домой и сказал: «Мы переезжаем». Он собрал меня,

маму, сестер Айешу и Латифу и моего младшего брата Джамала, усадил нас в свою Toyota Corolla и повез в форт «Стюарт» в Хинесвилле, Джорджия. Я проплакал всю дорогу туда. Я не хотел ехать. Не хотел расставаться с друзьями.

Однако этот переезд стал, наверное, лучшим, что только могло произойти со мной. В Ньюарке я все время попадал в переплет. Тусовался с плохой компанией.

Если бы мы не переезжали так часто, я бы не стал тем человеком, которым являюсь сегодня. Я правда в это верю. Мне приходилось учиться заводить новых друзей, привыкать к новым местам. Что было бы, если бы я всю жизнь рос в гетто Ньюарка, Нью-Джерси? Я бы никогда не видел ни белых людей, ни евреев, ни латино. Поскольку мой отец так часто переезжал, мне приходилось учиться уживаться с самыми разными детьми в окружении.

Хинесвилл, Джорджия, совсем не похож на Ньюарк. Там мы жили на армейской базе, и она была очень, очень южной по духу. В школу мы ходили от базы пешком, и в один из таких дней я познакомился с парнем по имени Ронни Филпот. Он невысок ростом и очень темнокожий, даже темнее меня, поэтому мы сразу начинаем оценивать друг друга – насколько мы черные. Он становится моим первым другом в Джорджии, а я становлюсь его телохранителем. Его мать умерла, и дети стали дразнить его за это. Они говорили что-то вроде: «Эй, Ронни, сегодня у нас родительское собрание. Как жаль, что твоя мама не может прийти».

Я слышал такое и слетал с катушек. Это было так жестоко. Какой-то пацан дразнит Ронни по поводу мамы, и я хватаю его и говорю: «После школы. У баскетбольной площадки. Ты и я. Я тебя ушатаю». Пацан знает, что должен явиться, потому что новости о предстоящей драке разошлись по всей школе. К тому же я знал, где он жил. Ему пришлось бы идти домой мимо площадок, потому что иначе пришлось бы делать большой крюк. И вот я жду, и он появляется, и первое, что я делаю, – луплю его по башке.

Я всегда следовал мантре «Бей первым». В общем, я ударил пацана по лицу, началась драка, и вот я уже избиваю его. Он ничего не может поделать. Все детишки смотрят, поэтому теперь я *Мужик*. Я теперь главный задира в школе, и все это знают.

Мой отец мной недоволен, потому что я постоянно валяю дурака в классе, но продолжаю влипать в неприятности. Он почти каждый день дает мне ремня, потому что я лажаю снова и снова. Наконец он говорит: «Если на тебя придет еще одна жалоба из школы, я тебя уделаю». Я знал, что он говорит серьезно.

Но я не могу взять и перестать. Я – Шакил, главный весельчак, хулиган, Мужик. Я был так не уверен в себе из-за своих габаритов, что валяние дурака было единственным доступным мне способом вписаться в окружение. Поэтому в один из дней я приношу в школу бутылку воды и достаю из рюкзака салфетки, которые мне положила мама, и начинаю

катать шарики из бумаги, а потом бросаю их в доску. Скатав один здоровенный комок, я запускаю его так, что он едва не попадает в учителя. Учитель резко оборачивается и говорит: «Кто это сделал?» Все хихикают, кроме меня. Я сижу с очень серьезным лицом.

Урок заканчивается, и один пацан сдает меня учителю. Он – сын офицера. Я поверить не могу. Я шокирован. В общем, иду в кабинет директора и получаю отстранение на три дня. Я знаю, что отец вышибет из меня весь дух за это, поэтому хватаю этого пацана за шкурку и говорю ему: «В три часа». Я делаю вывод, что, придя домой, все равно получу по заднице, поэтому решаю, что сначала устрою взбучку сам. Я прикончу этого пацана.

Занятия заканчиваются, и я начинаю его поджидать. Три часа, четыре часа, он все не появляется, но я продолжаю ждать его на углу. К тому моменту другие дети уже махнули руками и пошли по домам. Наконец около пяти часов пацан выходит из школы. Он нервно озирается по сторонам и видит меня. Я начинаю гнаться за ним. Он не понимает, что я довольно быстр для здоровяка. Я настигаю его и начинаю бить его и пинать. Я бью его по ребрам с такой силой, что у него начинается какой-то припадок.

Внезапно мне становится очень страшно. У пацана изо рта идет пена, а глаза закатываются назад, и я думаю: «*О, нет, я правда убил его*». Я в ужасе.

Мимо проезжает один из офицеров с базы, он видит ле-

жащего на земле пацана, останавливает машину и подбегает к нам со словами: «Ты что творишь, черт возьми?» Он бежит назад к машине и сует пацану в рот карандаш, потому что у пацана эпилептический припадок. Офицер вызывает 911. Приезжают копы и «скорая», и вот теперь я понимаю, что реально влип. Копы отвозят меня на базу, разыскивают там моего отца и устраивают ему нагоняй за то, что он воспитал такого дурного сына. Они очень сурово отчитывают моего отца. Я одновременно и опозорил, и разозлил отца. Я думаю про себя: «Это плохо».

За это отец как следует избил меня. Каждый раз, когда он ударял меня, он говорил: «Ты идиот! Ты мог бы убить того пацана. Ты бы сел в тюрьму до конца своей жизни. Сколько раз я говорил тебе? Думай головой! Будь лидером!» Потом он снова приходил в бешенство и всыпал мне еще.

Мне было все равно, потому что я был в ужасе от того, что сделал с тем пацаном. Еще долгое время после этого я, выключая свет, только и видел, что его лицо с закатывающимися глазами.

Для меня это был конец. С того дня я перестал быть задирой.

Знаю, что сейчас вам кажется, что мой папа был агрессивным челом. Уверен, что есть люди, считающие это проблемой, но, на самом деле, им не стоит так думать. Мой отец сделал меня тем, кем я являюсь. Он всегда говорил мне: «Ты будешь лучше меня». Он натворил всякого по молодости. Он

постоянно рассказывал мне историю о том, что у него был друг, у которого была копилка, и Сержант украл эту копилку и разбил ее, а когда об этом узнал его отец, он попытался убить его. Он часто рассказывал мне эту историю. Она реально не отпускала его.

Все, что делал Сержант по отношению ко мне, было оправданно. Стал бы я поступать так же по отношению к своим детям сейчас? Конечно, нет. Никогда. Но мои дети выросли в совершенно других условиях. Они не живут в муниципальных домах. Они и дня не прожили в бедности за всю свою жизнь. Они растут совсем не там же, где рос их папочка Шон.

Фил Харрисон – хороший человек. Он воспитывал меня, он любил меня, он бросал мне вызовы.

ОН ЗНАЕТ, КАК СИЛЬНО Я ЕГО ЛЮБЛЮ И УВАЖАЮ.

Люди любят говорить, что мне нужно примириться со своим биологическим отцом. Этим людям лучше следить за своими делами. Я годами ничего не слышал от этого чела, пока не начал заколачивать данки в NBA и становиться знаменитым. И вдруг он приходит на *Ricki Lake Show* и рассказывает всем, как скучает по мне и как вышло так, что у нас с ним сейчас ничего общего, и хочет, чтобы я познакомился со своим сводным братом.

Возможно, в какой-то момент я бы и хотел повидаться с ним, но мне не понравилось то, как он это преподнес. В те-

левизионной программе? Серьезно? Это было крайне неуважительно. Он из Нью-Джерси, все мои родственники там живут. Он легко мог бы набрать одному из кузенов и сказать: «Эй, я хочу затусить со своим сыном, скажи ему, чтоб позвонил мне». Я, наверное, и позвонил бы, но в эфире *Ricki Lake Show*?

А сейчас мы слишком далеко позади оставили прошлое. Я думаю, было бы чудовищным неуважением по отношению к человеку, сделавшему меня тем, кто я есть, Филипу Харрисону, воспитывавшему меня с двухлетнего возраста, просто повернуться к какому-то другому дяде и сказать: «Привет, папуля!» Такого не будет.

Как-то раз, когда я стал профессионалом и начал играть за «Орландо Мэджик», мне сказали, что на игре присутствует мой биологический отец и что он наблюдает за мной. Когда я услышал это, я вышел через черный ход. Обычно я так не делаю, но мне нечего было сказать Джо Тоуни. Наконец Сержант сходил к чуваку домой и сказал ему оставить меня в покое.

Мама хотела защитить меня от всего этого. Она любила меня так сильно и лишь хотела, чтобы я был счастлив. Когда дела шли плохо, она всегда говорила мне: «С тобой все будет в порядке». Мама и бабушка были теми, благодаря кому я продолжал улыбаться и верить.

Когда я попадал в неприятности, мама как бы немного отстранялась. Она позволяла отцу наводить дисциплину. И хо-

тя он не был моим родным отцом, он оплачивал счета и заботился о доме. Он до смерти любил мою мать. В этом сомнений не было. Он сходил по ней с ума.

В Джорджии мы задержались на пару лет, но, зная, что мы – семья военного, мы понимали, что не останемся там надолго. Следующий переезд случился в 1984-м, в Вильдфлексен, Германия. Туда я тоже не хотел ехать, поэтому всю дорогу в Европу плакал.

В Германии мне не пришлось долго искать ребят, с которыми можно влипнуть в неприятности. В тот момент моей жизни я не хотел быть Шакилом. Детишки там стали называть меня JC, но это не то, что вы подумали. Я не был никаким Иисусом Христом. JC значило Just Cool – «Просто Клевый».

Мне было около тринадцати лет, и я начал хотеть какие-то вещи, но денег у меня не было. Мой отец сказал: «Я ничего не буду тебе покупать, если ты не потрудишься ради этого. Так что вылезай и устраивайся на работу или работай на меня».

Я откликнулся на вакансию в Burger King на нашей базе в Германии. Я жил на улице А, и мне нужно было подняться вверх по двум холмам, чтобы оказаться там, но мне было все равно, потому что я хотел иметь собственные деньги, чтобы купить себе Air Jordan, на которые я положил глаз.

Идея пойти на работу казалась хорошей, но работа мне не нравилась. Меня заставили выполнять всю ту работу, кото-

рую не хотел делать никто другой, типа драить полы, мыть и чистить прилавки. Я хотел переворачивать котлеты для бургеров, стоять за кассой и разговаривать с покупателями, но мне всучили швабру и сказали подтереть с пола кетчуп. Я сказал: «Да на хер!» – и свалил.

Но теперь мне надо прийти домой и сказать об этом папочке, а он скажет: «Ты не будешь сдаваться просто так. Теперь ты будешь работать на меня». Ой-ой. Звучит не очень.

И вдруг я оказываюсь старшим при своих братьях и сестрах. Я должен будить их по утрам, одевать, водить в школу, а потом идти в школу самому. После этого их надо было забрать, привести домой и накормить. Я стал экспертом по части сырных тостов и Top Ramen, жесткой лапши, которую надо кипятить в воде. Мне приходилось кормить их, следить за тем, чтобы они делали домашку и держали дом в чистоте. Мама вышла на работу, чтобы помогать нам платить по счетам, так что я стал Мистером Мамой.

Работы была уйма. Мой отец предупреждал меня, что мне следует хорошо выполнять свою работу, иначе он надерет мне зад. Более того, думаю, что причина, по которой я так успешно справляюсь с детьми сейчас, в том, что я много времени провел, заботясь о своих сибсах. Даже сейчас я могу посмотреть на ребенка и понять, что нужно для того, чтобы он или она улыбнулись. По ночам, когда случались сильные грозы, я знал, что скоро Джамал приползет ко мне в кровать. Он боялся молнии и был уверен, что я защищу его от всего

на свете.

Я пытался. Я танцевал им, пел им, смешил.

А еще я отделал бы любого, кто задумал навредить им.

Отец не платил мне никаких денег, но если мне нужна была новая пара обуви, он доставал мне ее. Я был так взволнован, когда наконец получил свои Air Jordan, но они были максимум 13-го размера, а к тому моменту, как Сержант купил их мне, у меня уже был 15-й размер ноги. Они были такими дорогими, что я не посмел сказать ему, что они не подходят мне по размеру. Я ходил в кроссовках на два размера меньше нужного. Мои стопы просто убивали меня. Но мне приходилось, кореш. Если у тебя были Jordan, ты котирувался.

Спустя недолгое время после переезда в Германию, я познакомился с одним белым парнем по имени Митч Райлс, и он выглядел в точности, как Ларри Берд. У него были длинные волосы и такой же уродливый нос, а еще он мог бросать до упаду.

Итак, у него задатки Берда, значит, мне теперь нужно освоить трюки Мэджика Джонсона. То есть научиться вести мяч, делать пасы не глядя, вот это все. Мы каждый день играем дуэли Мэджик – Берд, «Селтикс» – «Лейкерс», и я осваиваю навыки, которые большие никогда не показывают. Я осваиваю движения.

К тому моменту я давно перемахнул отметку в 1,83 см, но я все еще нескладный, все еще не вырос в собственном

теле. Ногами я работаю хорошо, у меня есть движения а-ля «Мэджик», но я плоховато прыгаю и не умею данкать. Я начинаю задумываться, смогу ли я когда-нибудь научиться.

В общем, в один из дней офицеры на базе начинают сутеться, потому что скоро придет баскетбольный тренер из государственного Университета Луизианы проводить мастер-класс. Его звали Дэйл Браун, и я никогда о нем не слышал, но понравился он мне сразу. Он был очень энергичным, а его посылом было: «Дисциплина и усердная работа – великий дар. Если будете использовать их с умом, сможете стать кем захотите».

Я записал эту фразу и выучил ее наизусть. После я сходил к нему и спросил, нет ли у него упражнений для меня. Я объяснил, что, несмотря на то что я большой и высокий, я очень неловок и испытываю проблемы с прыжками. Он был очень любезен.

Он сказал: «Я скажу тебе, что я сделаю, солдат. Когда я вернусь в Батон-Руж, я пришлю тебе программу коррекции веса. Сколько лет ты уже на службе?»

Я ответил: «Я не на службе. Мне всего тринадцать лет».

Глаза Дэйла Брауна сильно расширились, когда он это услышал. Он сказал: «Что ж, сынок, я хотел бы познакомиться с твоими родителями».

Мой отец, как я знал, был в сауне. Я мог бы сбегать за ним, но что он, черт возьми, скажет Дэйлу Брауну? Я никогда толком не мог предсказать, что мой папочка кому-нибудь

скажет. Сержант вышел, и я представил его тренеру Брауну, и тот начал рассказывать моему папе, что, если я когда-нибудь дорасту до баскетболиста, ему было бы интересно потренировать меня, но Сержант обрубаёт его на полуслове и говорит: «Это все хорошо и замечательно, этот баскетбольный бизнес, но я думаю, сейчас самое, мать его, время черным начать развивать немного интеллекта, чтобы становиться президентами корпораций и генералами армий, а не уборщиками и сержантами, как я. Вот когда вы будете заинтересованы в развитии академических способностей моего сына, тогда мы и поговорим».

Я думал: «Ну все, это конец. Больше мы никогда не увидим этого парня», но тренеру Брауну, кажется, очень понравилось то, что сказал Сержант.

И в самом деле, вернувшись в LSU, Дэйл Браун прислал мне программу контроля за весом. Я начал следовать ей и в первый год учебы в старшей школе пошел на просмотр в школьную баскетбольную команду на базе в Германии.

Я не прошел.

В то время мой рост доходил, наверное, до 2,03 см, но им было все равно. Был там еще один парень по имени Дуэйн Кларк, примерно одних со мной размеров, и он был лучше меня.

Меня свели с Дуэйном, он делал буквально все. Умел данкать, бросать с отклонением, вести мяч. Он был старшеклассником и смеялся надо мной. Он делал простые вещи,

например, делал показ на бросок, чтобы я выпрыгнул, а потом обходил меня, как будто меня там и не было. Этот парень унижал меня.

Тренер команды вообще не обращал внимания на меня. Он никогда не смотрел на меня, не утруждался запоминать мое имя. Я не виню его, наверное. Я был ужасен. Мои колени в то время были совсем плохи, и я носил коричневый бандаж с дыркой на одном колене и металлические скобы на другом из-за болезни Оsgуда-Шляттера. Я ничего не мог делать. Мне было слишком больно.

А вот другая проблема: я был ленивым. Мне нравилось играть по-своему, и я не пользовался своими размерами. Я попросту не знал, как это – играть жестко. Я играл в полсилы, пока все вокруг носились со скоростью сто миль в час.

У них была младшая школьная сборная, но мне было слишком стыдно играть за нее. Я пришел домой и рассказал отцу о том, что меня не взяли, думая, что он сильно разозлится, но он сказал: «Возвращайся в зал и продолжай работать».

Я был раздавлен из-за того, что не попал в команду. Я притворился, будто это ерунда, но это было не так. Я не плакал, но был просто уничтожен. Я пошел в свою комнату, взглянул на потолок и сказал: «Я никогда не добьюсь успеха». Я сильно корил себя.

Спустя время я попытался придать этому позитивный окрас. Я сказал себе: «*Может, я стану диджеем, а может,*

рэпером». Но надежды на это было мало. Я это знал.

Почти все мои друзья попали в команду, что только ухудшило дело. Я перевел все в смех, пошутил как-то по поводу тренера. Я все еще был весельчаком, отличным танцором. Я все еще был JS – Просто Клевым.

Мой отец не дал мне бросить игру. Он заставлял меня играть на базе с солдатами-новобранцами. Он бросил меня в бой против военных, которые все были взрослыми мужиками. Они пинали меня, сшибали с ног и мудохали. Если уж я ни на что не гожусь, так буду хотя бы крепким.

Я написал тренеру Брауну о том, что меня не взяли в команду. В ответ он прислал мне любезное письмо о том, как я должен продолжать пытаться, продолжать работать.

Вскоре после этого один парень по имени Форд МакМертри, работавший ассистентом тренера сборной старшей школы, ушел с должности и организовал команду на базе. Он сказал мне: «Приходи играть за нас».

Форд был добр ко мне. Он поднял мой уровень уверенности в себе. Он работал над моей физподготовкой и учил работе ног. Когда меня расстраивала моя неуклюжесть, он проявлял терпение. «Попробуй еще раз, Шакил», – говорил он, не повышая голоса. Мне повезло, потому что мой друг Митч Райлс тоже не попал в команду старшей школы из-за плохих оценок, так что мы с ним снова оказались вместе, Мэджик и Ларри.

На второй год учебы я даже не стал заморачиваться по по-

воду просмотра в команду старшей школы. К тому времени тренер МакМертри собрал такую отличную команду, что мы могли бы обыграть Дуэйна Кларка и тех других ребят. Он был настроен сделать из меня игрока.

Мне помог еще один парень, работавший на базе. Его звали Пит Попович. Однажды он наблюдал за мной в спортзале и вдруг сказал: «Почему ты не данкаешь?» Я сказал ему: «Я не умею прыгать. Дело в коленях, кажется. Я просто не могу оттолкнуться от земли».

Позже, когда я пошел наверх поработать на тренажерах, Пит сказал мне: «Я могу помочь тебе с вертикальным прыжком». Он показал мне, как делать упражнение подъем на носки и сказал, чтобы я выполнял его каждый день. Я делал эти долбаные упражнения до тех пор, пока не начинал чувствовать, что ноги вот-вот отвалятся. С конца первого года учебы в школе до конца второго года мой результат в вертикальном прыжке улучшился с 45 сантиметров до одного метра.

В 1987-м отца снова перевели, поэтому мы вернулись в Соединенные Штаты. Мне было пятнадцать лет, я отыграл половину второго сезона в старшей школе при тренере МакМертри, поэтому уезжать совсем не хотелось. Я думал, что наконец начинаю чего-то добиваться в баскетболе.

Мы задержались в Нью-Джерси на несколько недель, чтобы повидать родственников, после чего отправились на новую базу, в форт «Сэм Хьюстон» в Сан-Антонио, Техас. При-

ехал мой дядя Майк Пэррис. Он не видел меня пару лет. Он повел меня в парк в Саут Орандж, Нью-Джерси, поиграть с кем-нибудь. Там было немного народу, но был один довольно крупный чувак, сыгравший со мной один на один. Его звали Марк Брайант. Позже он стал большой звездой в «Сетон-Холл» и провел восемнадцать лет в NBA. У меня не было такого мастерства, какое было у Марка на тот момент, но теперь я хотя бы мог прыгать и постоять за себя.

Я видел, что дядю Майка впечатлил мой прогресс. Раньше, каждый раз, когда мы с ним играли, он мог бросать через меня хоть целый день. Но теперь вдруг каждый раз, когда он собирался сделать джамп-шот, я оказывал сопротивление. Размах рук у меня всегда был довольно впечатляющим, но я никогда не пользовался им, чтобы получить преимущество. Я открывал для себя блок-шоты. Я подумал: *«Если я сам забиваю мало, то тогда и другим не дам забивать через меня»*.

В тот день, когда мы уходили из парка, мой дядя Майк обнял меня.

«Кое-что случилось, Шакил», – сказал он.

Он был прав. Кое-что случилось. Я наконец становился боллером.

Сан-Антонио, Техас, 1989 год

Шакил О'Нил зашнуровывал свои баскетбольные кроссовки, когда тренер старшей школы Коул Дэйв Мадуре и его ассистент Херб Мор подошли к нему поговорить.

Оба мужчины были возбуждены. Они рассказали Шакилу о разговоре, который состоялся у них с арбитром минутой ранее.

«Мы только что слышали шутку года», – сказал рефери тренеру Мадуре. «Эти парни с Саутсайда только что сообщили нам, что мы сейчас станем очевидцами самой сенсационной победы в школьном баскетболе».

О'Нил даже не поднял головы. Он едва заметно кивнул.

По правде говоря, Шак не нуждался в дополнительной мотивации. Минутами ранее он вошел в спортзал, пригнув голову, чтобы пройти в дверь, и увидел, как ему улыбается молодая чирлидерша. Ухмыльнувшись в ответ, Шак увидел, как ее лицо исказила гримаса отвращения.

«Извращенец!»

Она взвизгнула так громко, что ему захотелось заткнуть уши.

Он уже привык к вербальным оскорблениям, но по-прежнему не мог понять, почему люди так жестоки. Неужели они думали, что то, что он такой большой и сильный, значит, что у него нет чувств?

О'Нил почти ничего не говорил во время предматчевого инструктажа команды Коула. Он показал пальцами на свою грудь и сказал мягко: «Пасуйте мне мяч».

В первой же атаке он подхватывает мяч после блока, обобщается и вколачивает с такой силой, что кольцо наклоняется вперед. В следующий его данк он вколачивает мяч так яростно, что кольцо скашивается вправо.

«К третьему его данку, – вспоминал Мор, – кольцо больше походило на трассу американских горок».

Самую сенсационную победу в школьном баскетболе пришлось отложить на другой день.

Никто понятия не имел, откуда я взялся, когда в 1987-м я появился в старшей школе Коул в Сан-Антонио, Техас. Я не был бессрочником из AAU или завсегдаем летних лагерей. Я был ребенком военного, приехавшим из Европы и имевшим немалые габариты, но толком не знавшим, что с ними делать. Таким был мой самиздатовский скаутский отчет.

Я слишком поздно переехал туда, чтобы играть в баскетбол во второй год учебы. Я даже захотел начать играть в футбол в своей новой старшей школе, но Сержант не позволил мне. Он переживал, что меня покалечат. Он планировал, что мои баскетбольные таланты оплатят мне учебу в колледже.

Одним из первых парней, с которыми я познакомился в Коуле, был Джо Кавальеро, невысокий парень, бывший первым запасным в баскетбольной команде, а еще основным квотербеком футбольной команды школы. Он был очень хо-

рошим атлетом, прирожденным лидером. Джо увидел меня в офисе, когда я записывался в команду, уделил мне немного внимания, и все — мы тут же стали друзьями. Джо устроил меня на работу статистиком футбольной команды, чтобы мне было чем заняться. Я ходил взад-вперед по бровке, до усрачки пугая команду соперника. Они смотрели на меня и говорили: «Вот дерьмо. Когда этот пацан выйдет на поле?»

И хотя я не числился в футбольной команде, ее тренер заставил меня пройти всю предсезонную подготовку. Я даже делал упражнения с бревном, которые ненавидел до глубины души. Перед тобой лежали два бревна параллельно друг другу, между ними было примерно три метра, и ты должен был пройти по ним «медвежьей походкой». Ожидалось, что ты будешь быстро перебираться до конца бревна, а потом делать кувырок вперед.

На тот момент мой рост достиг почти 2,03 см, а меня заставляют кататься в грязи. К тому моменту, как я закончил, я весь был покрыт грязью. И выглядел как натуральный Сасквоч!

Конечно, я жаловался из-за этих чертовых упражнений с бревном, но они очень помогли мне развить ловкость и прокачать работу ног.

Джо познакомил меня с ребятами из баскетбольной команды, и они мне сразу понравились. Даг Сэндберг, ставший моим лучшим другом, был умным игроком, отличным разыгрывающим, умевшим и бросать. Будь он побольше, он

мог бы играть в Дивизионе I. Робби Данн был до жути смешным. Он был невысоким парнем, который умел резко двигаться, и хотя он играл немного, он все равно был важной частью коллектива.

Нашим девизом тогда был «Притворяйся, пока не станет явью». Мы часто ходили на блошинный рынок Эйзенхауэра, примерно в двух милях от базы. Там продавалось самое разнообразное барахло, которое никому толком не было нужно. Мы с Джо шарили там в поисках самых толстых пластиковых золотых цепей, какие только могли найти, ведь настоящие мы себе позволить не могли. Мы покупали эти здоровенные пластиковые цепи, а потом шатались по местности в поисках «Mercedes» и отрывали у них эмблему с капота, после чего красили их в золотой. Потом мы продавали эмблему сквозь пластиковую цепочку – и готово. Что может быть круче этого?

В те времена я всегда носил кепку Gucci. Эй, я и так был высоким, так к чему прятаться? Я брал эту кепку и водружал ее высоко на макушку, как акулий плавник. Клянусь, с этой штукой на голове я был ростом 2,33 см.

Мы творили многой разной херни в духе малолетних правонарушителей, но в основном по мелочи. За пределами базы нас окружал хаос – оружие, наркотики, насилие. Большую часть времени мы проводили на базе и занимались всякой ерундой, например, стучали людям в двери и убегали. Забрасывали яйцами машины.

Одним из наших излюбленных трюков был этот: трое ребят встают на одной стороне дороги и еще трое на другой. На базе действовало ограничение скорости в тридцать миль в час, но люди постоянно его превышали. Мы отправляли ребят на другую сторону улицы и притворялись, что натягиваем веревку. Какая-нибудь машина вылетала на дорогу, водитель видел, что мы натягиваем воображаемую веревку, и резко бил по тормозам. Мы каждый раз подлавливали их на этом.

На базе был бассейн, и летом по выходным его закрывали примерно в десять вечера. Мы дожидались, пока выключат свет, а офицеры разойдутся пить коктейли, и тогда перепрыгивали через забор и «бомбочками» прыгали в бассейн.

Офицеры, услышав, как мы плюхаемся в воду, вызывали военную полицию. Копы приезжали и пытались нас догнать, но на ногах у них были армейские ботинки. Мы же были шайкой спортсменов и знали, что им нас не догнать. Мы парковали машину Робби на углу, убегали из их поля зрения, а потом прыгали в тачку и улепетывали.

Чаще всего они знали, что это были мы. Ну, то есть на базе вряд ли нашлось бы много двухметровых детей. Но мы были в каком-то смысле знамениты своими спортивными успехами, поэтому что-то нам сходило с рук. Если бы другие дети с базы сотворили что-то подобное, их бы выстроили в ряд и выпороли.

Меня тоже несколько раз пороли учителя на базе в Герма-

нии, но не в Сан-Антонио. К тому времени я был уже слишком большим. Никому не хватало смелости подойти ко мне с палкой – кроме моего отца, разумеется.

Палки были обязательным атрибутом жизни на военной базе. Если ты лажал, нарушая какое-нибудь правило, или проваливал экзамен, или ввязывался в драку, всех учеников школы созывали вместе, а тебя выводили на середину спортзала, где ты должен был пройти по линии, пока директор или физрук лупят тебя. Было больно, но по большей части скорее унижительно. Плюс твои родители всегда узнавали о таком, и если твой отец был офицером на командной должности – берегись.

Старшая школа Коул была очень маленькой и никогда не выигрывала чемпионских титулов по баскетболу до моего прихода туда. В нашем классе было семьдесят шесть человек, и мы играли против школ, в которых было втрое больше учеников. Я по-прежнему постигал премудрости баскетбола, по-прежнему развивал свой стиль. Мой тренер, Дэйв Мадера, был серьезным человеком. Он заставлял меня делать приседания перед зеркалом до тех пор, пока ноги не начинали гореть. Он пытался развить мою гибкость, особенно в бедрах.

Вот только была одна проблема: я до сих пор ни разу не сделал данка в игре. Я подбирался к этому и физически смог наконец обрести необходимую координацию, но барьер был отчасти психологическим. Я просто сомневался. Что, если

я промажу? Я не хотел, чтобы кто-нибудь насмехался надо мной.

Джо пытался помочь мне. Мы начали данкать носком. Как только я почувствовал себя достаточно уверенно, я попытался данкать теннисным мячом. Далее был мяч для софтболла, потом волейбольный, а потом наконец баскетбольный.

Но делать данки в пустом спортзале в компании друга Джо – это совсем не то же самое, что сделать данк в игре, на глазах у болельщиков и близких – особенно на глазах у отца.

На третьем году обучения мы как-то попытались разбить прессинг: Даг Сэндберг бросил мне мяч на середину площадки, а я решил довести его до корзины сам. Я веду мяч по площадке и начинаю исполнять аккуратный фингер-ролл, вот только слишком сильно закручиваю мяч, и он как будто сваливается с кольца. Откуда ни возьмись я слышу голос своего отца, кричащего с трибун: «Бери тайм-аут! Бери тайм-аут!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.